

Независимая газета

Невозможное и неизбежное

Россия обязательно перейдет от имитационной демократии к реальной. Но никто не знает, как

2008-05-12 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

В современном мире нет реальных идейных альтернатив демократии и практически уже нет государств, которые или не были бы реальными демократиями, или не имитировали бы демократию. Зона стран с реальной или имитируемой демократией охватывает сейчас практически весь мир. Зона реальных демократий тоже давно вышла за пределы Европы и Северной Америки. По оценкам «Фридом Хауз», в демократическом мире сейчас живет около половины населения планеты, и в число свободных государств входят страны с очень разными и очень далекими от европейской и друг от друга культурами, включая не только Индию, Японию и Южную Корею, но и такие экзотические страны, как Бенин, Ботсвана, Монголия и мусульманские Мали и Сенегал. В 1975 году демократических государств было 25%, сейчас – 46%. То, что сейчас происходит в Зимбабве и Кении, – это африканский вариант того, что происходило в Грузии и Украине. И переход России от теперешней имитационной демократии к реальной неизбежен. Вопрос только в сроках и формах этого перехода. Но когда мы начинаем думать об этих сроках и формах, мы сразу же заходим в тупик.

Соблюдайте вашу Конституцию

Механизм перехода от имитационных демократий к реальным в самых разных странах – Сербии, Украине, Кении, Филиппинах – очень схожий и определяется самой природой имитационных демократий. В них нет тоталитарной идеологии и соответствующей ей формальной политической системы, делающих переход к демократии неконституционным «по определению». Это – страны с конституциями, в которых прописаны разные свободы и демократические выборы. Но реально власть – в руках президента, правящего пожизненно или передающего ее избранному им преемнику («квазидинастии»), что камуфлируется выборами и референдумами, манипулируемыми властью. Из этого вытекает и задача тех цветных революций, которые приводят к демократии или являются необходимым первым шагом в переходе к демократии.

Задача цветных революций очевидна – заставить власть подчиниться тем прописанным в Конституции принципам, которые она формально и сама признает. Все эти революции поэтому приурочены к выборам, к моментам, когда противоречие реального и формального строя становится особенно напряженным и зримым. Оппозиция объявляет результаты выборов фальсифицированными и выводит своих сторонников на площадь, апеллируя к Конституции и стараясь избежать незаконных действий. Если при этом происходит эрозия власти, ее сторонники начинают перебегать к оппозиции, власть утрачивает уверенность в своем контроле над армией и

полицией, то революция побеждает. Власть сдается, идет на переговоры и соглашается на пересчет голосов или на новые выборы, или еще на какой-то компромисс в обмен на личную безопасность уходящих правителей. Если же какого-либо из этих условий нет (например, у оппозиции – достаточная электоральная поддержка, но правящая группировка прочно контролирует силовые структуры, сплочена, и давление на нее извне минимально), то власть может не пойти на уступки и разогнать оппозицию. Тогда проблема «загоняется вглубь», и ее решение переносится до какого-то следующего раза, как мы это недавно видели в Армении, а еще раньше в Азербайджане.

Победа цветной революции может быть победой демократии, но может быть и лишь шагом на пути к победе. Победители вполне могут сами попытаться закрепить завоеванную власть неправовыми методами и создать новый имитационный режим (очевидно, такую попытку мы видим в Грузии). Поэтому для того, чтобы цветная революция привела к демократии, победители должны быть достаточно сильны, чтобы победить, но недостаточно сильны, чтобы победить, как когда-то большевики по старой советской формуле, сейчас вызывающей улыбку, «полностью и окончательно».

Такая относительная слабость может проистекать из того, что политическая сила, которую революция отстранила от власти, остается достаточно мощной, чтобы надеяться на электоральный реванш в будущем и противостоять попыткам победителей самим закрепиться у власти неправовым путем (как украинская Партия регионов), или может быть результатом того, что лагерь победителей начинает разваливаться после их прихода к власти, выделяя из себя достаточно сильную новую оппозицию. Если в результате всего этого вторые и далее выборы после цветной революции проходят честно и начинается ротация власти, демократия действительно побеждает.

Данная схема повторялась уже много раз, и это – естественная, логичная и нормальная схема перехода от имитационной к реальной демократии. Теперь попробуем применить сказанное выше к нашим условиям.

Чего нихватишься, ничего нет

Для того, чтобы эта схема сработала, нужна легальная и сильная оппозиция, которая может победить на выборах, или, во всяком случае, собрать достаточно голосов, чтобы ее претензии на победу звучали правдоподобно. И она должна не только иметь необходимую электоральную поддержку, но и достаточно много очень мотивированных сторонников (и прежде всего в столице и крупных центрах), которые были бы готовы выйти на площади, не боясь полицейских дубинок и даже возможного расстрела. Ясно, что ничего подобного у нас нет. Ситуация, относительно похожая на ту, когда возможны цветные революции, наблюдалась у нас только в 1996 году, когда оппозиция была достаточно сильна. Но главная в то время оппозиционная сила, коммунисты, не имела поддержки в столицах и была полностью изолирована от других отрядов оппозиции, предпочитавших фальсификацию выборов перспективе прихода коммунистов к власти. Однако с тех пор много воды утекло. Стадию

развития, при которой возможна реализация схемы цветной революции, мы уже миновали.

Сейчас в парламенте, кроме очень ослабевших коммунистов, вообще нет оппозиции. Либеральная партийная оппозиция, выделившаяся из лагеря победивших в 1991 году «демократов», ослабла до полного бессилия, а власть напринимала законов, делающих создание новых легальных оппозиционных структур практически невозможным. Пределом мечтаний наших либеральных оппозиционеров сейчас является прохождение в следующую Думу в результате либеральной трансформации режима, правящая верхушка которого вроде бы сама несколько смущена тем тотальным контролем над политической жизнью, который она установила, и хотела бы чего-то чуть более «плюралистического» и соответствующего современным «приличиям». Но даже если либерализация состоится и будет не кратковременной «оттепелью», если в Думе появятся небольшие либеральные фракции, отсюда до прихода такой оппозиции к власти и перехода к реальной демократии – лет этак сто, и их у нас просто нет. Я уже не говорю о других условиях перехода к демократии – о том, что правящая группировка должна быть настолько ослабленной, чтобы не решиться прибегать к силе, но одновременно – настолько сильной, чтобы сохраниться и стать оппозицией будущим победителям. У нас нет не только сильной оппозиции, но и сильной, жизнеспособной партии власти. Наша «Единая Россия» – это совсем не украинская Партия регионов и даже не КПСС, от которой все же сохранилась КПрФ, а совершенно эфемерное образование, которое распадется в пыль от первого же дуновения. Итак, «нормальный» механизм перехода от имитационной к реальной демократии у нас практически исключен. Что же из этого следует?

Лимит на революции

Возможность продолжения власти нашей «квазидинастии» на неопределенное будущее, до XXII века, мне кажется, исключена полностью. Системы, подобные нашей, слишком слабы и везде недолговечны. Значит, остаются два варианта.

Первый – «катастрофический». Система впадает в «маразм». Наверх проникают только слабые и неумные люди, так что Грызлов и Миронов кажутся мудрецами древности. Власть окончательно отрывается от реальной жизни – она смотрит только контролируемое ею телевидение и глядит на опросы, произведенные преданными ей социологами, верит им и награждает своих телепропагандистов и социологов орденами. Выборы полностью утрачивают легитимизирующее значение, везде достигнуто чечено-ингушской предсказуемости. Наверху сменяются назначающие друг друга президентами фигуры, смена которых совершенно не волнует общество, а в парламенте – только депутаты от «блока «Единой России» и беспартийных». Коррупция приобретает такие размеры, что люди с ностальгией вздыхают: «Но при Лужкове все-таки строили!» В такой ситуации достаточно самого слабого импульса, чтобы вся эта конструкция рухнула. И что это за импульс – предугадать невозможно. Да это и не так важно. Ослабший старый организм может погибнуть от простуды, а может – от несварения желудка. Может быть падение цен на нефть, восстание на

Кавказе, схватка за дележ какого-нибудь нового ЮКОСа – все что угодно. Власть утрачивает контроль, и наступает катастрофа.

Второй вариант – цветная революция, и это совсем не катастрофа. Все может пройти спокойно и организовано. «Революционеры» в таких революциях стремятся к законности и больше всего боятся пролить кровь. Здесь ясно, кто может встать во главе революции и прийти к власти. Ясно, с кем договариваться. Катастрофа – это когда власть утрачивает контроль, но передать власть некому. Когда противостоит власти не организованная и признающая формальные «правила игры» сила, а просто хаос и силы, вообще не признающие полностью утративших значение формальных конституционных правил. Договариваться не с кем, как не с кем было договариваться Сомосе, Сукарно, иранскому шаху, как не с кем было договариваться Каримову в Андижане.

Это – очень плохой вариант не только для режима (на режим, в конце концов, наплевать), но и для страны. Когда Путин говорит, что Россия исчерпала «лимит на революции» (хотя вся его деятельность, кроме ухода с поста президента, объективно была направлена на то, чтобы доказать, что это утверждение неверно), он в некотором роде прав. Ибо из подобного кризиса она выйдет уже предельно ослабленной.

Избежать этого варианта очень трудно, почти невозможно. Остается только надеяться, что мы не все знаем и понимаем, не можем учесть разные непредсказуемые субъективные факторы и что история сложнее любых логически выстроенных схем. Это – почти надежда на чудо.

Повезет ли нам второй раз?

Один раз такое чудо произошло. В конце советского периода многие понимали, что советская система обречена, но какой-то мало-мальски упорядоченный выход из нее был еще менее видим, чем сейчас выход из нашей теперешней системы. Все мыслимые тогда варианты конца советской системы выглядели более катастрофическими, чем реализовавшийся, и связано это с тем, что никто не мог знать, какие процессы происходят в кремлевской верхушке, никто не предполагал появления Горбачева. Приход Горбачева и шесть лет его реформ не предотвратили падения советской системы и распада СССР, но сделали их минимально катастрофическими. Второго Горбачева не будет, но какой-то аналог его реформам все же не исключен. И некоторые возможности избежать катастрофического варианта, вероятно, все же есть.

Например, Путин уже сейчас мог бы не только уйти с поста, что, безусловно, было смелым и правильным шагом, но и предоставить выбор между двумя одинаково приемлемыми для него преемниками, Ивановым и Медведевым, избирателям. Для него лично никакой прямой угрозы от этого не было бы. Конечно, это все равно были бы псевдовыборы, но уже следующие подобные выборы могли бы стать более реальными, пресловутый «раскол элиты» мог бы стать нашим своеобразным и «мягким» путем к реальной альтернативности, к демократии. Похоже, что такая мысль у Путина мелькала, но показалась ему уж слишком революционной и страшной. И все-таки нечто подобное возможно в будущем.

Самый плохой вариант наиболее вероятен. Но в истории может осуществиться и не самый вероятный вариант. Сейчас складывается впечатление, что «наверху» есть некоторое смутное понимание того, что дальнейшее развитие по заданной траектории ведет прямиком к катастрофе, и там идут какие-то поиски возможностей сойти с эскалатора, на котором мы движемся к краху даже без каких-либо усилий. И дай бог, чтобы эти поиски привели к успеху. Один раз нам повезло. Кто знает, может быть, повезет еще раз...